

Послеполуденный пустой класс походил на забытую темную комнату: в воздухе медленно кружились и оседали частицы меловой пыли, а от старых книг и деревянных столов исходил запах старины.

Сквозь листву платанов за окном падали пятнистые лучи света, и на пересечении света и тени древесный узор крышки стола проступал с деликатной четкостью фотопленки.

Недавняя выездная съемка только что завершилась, члены клуба разошлись, и в помещении остались лишь Сяоминь и Лунь — они всё еще приводили в порядок аппаратуру.

На столе были разбросаны камеры, штатив прислонился к углу стены, а в воде для проявки отражалась потолочная люстра; стояла такая тишина, что было слышно смутный гул с далекого спортивного поля и шелест ветра в листве.

Сяоминь опустилась на колени и протирала салфеткой объектив, двигаясь нарочито медленно. Ее пальцы скользили по зеркальной поверхности, но сердце колотилось, словно готовый сработать затвор: еще мгновение — и раздастся щелчок, прорывая тишину.

Прошла уже неделя после выставки, и раствор правды в лестничном пролете смыл все извращенные фантазии, зато проявил затаившееся на самом дне сердца чувство с пугающей четкостью.

Лунь больше не была для нее просто парнем — эта короткостриженная андрогинная фигура превратилась в девушку, и трепет в груди вырвался из тени недопонимания, став местом, где больше негде спрятаться.

Прижимание друг к другу под навесом в дождь, теплая волна внезапного смеха, тихий взгляд Лунь, наблюдающей со спины во время объяснений на выставке, — все эти образы, словно готовая кассета пленки, вновь и вновь прокручивались в голове Сяоминь. И все они вели к одному факту: она любит Лунь, такую же девушку.

Смутные намеки на чувства между девушками в литературных книгах, странные взгляды и шепотки в школьных коридорах, вечные шаблоны мальчиков и девочек для ночных разговоров в общежитии — всё это давило невидимым грузом, заставляя ее ворочаться ночами.

Ожидания семьи, сплетни одноклассников, социальные нормы — всё вокруг напоминало об опасности этой привязанности.

Но свет перед объективом неизменно оказывался самым ярким и искренним именно в моменты величайшего хаоса. Чувство к Лунь напоминало негатив, впервые тронутый сол теплом: оно едва заметно нагревало изнутри, и отмахнуться от него было уже невозможно.

Лунь сидела на корточках по другую сторону стола, проверяя пленку; в ее пальцах были

зажаты серебристые ножницы, и их щелканье звучало размеренно, как удары сердца. Время от времени она поднимала голову, и ее взгляд скользил по Сяоминь — в спокойных глазах читалось легкое любопытство.

Полуденный свет очерчивал изящные изгибы силуэта Лунь, словно еще не до конца проявленный снимок, в котором угадывалась непривычно мягкая мягкость.

Сяоминь опустила голову, продолжая протирать объектив, но отчетливо чувствовала, как этот взгляд, подобно лучу света, легко касается ее прядей и шеи, заставляя пальцы слегка дрожать.

Она украдкой бросила взгляд на Лунь: короткие волосы, окрашенные полуденным сиянием в теплый золотистый оттенок, чистые линии профиля. Ее сосредоточенное лицо в момент работы с ножницами выглядело точно так же, как в день их первой встречи у клубной палатки, когда солнце косо падало на ее плечи. Тот момент трепета, прорвавшись сквозь заблуждения и страх, оставался все таким же живым.

Сяоминь глубоко вздохнула: больше нельзя оставлять кадр пустым.

Ветер за окном усилился, платановые листья зашуршали, словно подгоняя ее нажать на спуск.

Она отложила салфетку для объектива, медленно поднялась, и ее голос прозвучал тихо, но твердо:

— Лунь... я хочу кое-что сказать.

Лунь замерла, ножницы зависли в воздухе, и она подняла голову:

— Мм?

Ее глаза оставались спокойными, как всегда, но выглядели так, будто объектив уже поймал фокус.

Воздух вокруг мгновенно сгустился, полуденный свет вытянул между ними длинные тени, словно невидимые нити, связывающие их воедино.

Шум с улицы за окном глухо пробивался в класс, но эта тишина отгораживала их от всего мира.

Сяоминь крепко сжала руки так, что побелели костяшки пальцев, а в голове вихрем пронеслись все воспоминания, проявляясь с быстротой пленки: ослепительно-солнечный день первой встречи, укрывающий от дождя жест Лунь под навесом, ее короткая искренняя улыбка в вспышке смеха, паника из-за выпавшей из кармана гигиенической прокладки в клубной

комнате, шок от признания я девушка в лестничном пролете и преданный взгляд Лунь, охраняющий ее со спины на выставке.

Весь этот хаос и трепет сошлись в одной точке.

— Я согласна и дальше позволять тебе фотографировать меня, — произнесла она, наконец твердо встречая взгляд Лунь. Ее голос слегка дрожал, но звучал отчетливо. — Только... я боюсь, что полюблю тебя еще сильнее.

Слова прозвучали с резкостью щелчка затвора, и в классе наступила короткая тишина.

Рука Лунь едва заметно дрогнула, камера соскользнула с колен и глухо стукнулась о край стола. Она не ответила сразу; ее взгляд из безмятежного превратился в потрясенный, а в зрачках отразилось лицо Сяоминь и пляшущие световые пятна за окном.

Прошло несколько секунд. Полуденное солнце медленно сместилось на запад, тень от платана удлинилась, поглотив угол стола, а воздух в комнате казался почти осязаемым.

Лунь медленно опустила камеру, ее голос прозвучал низко, но мягко:

— Оказывается... вот как.

Она сделала паузу, переведя взгляд на платаны за окном; тени листьев легко трепетали на ее лице, напоминая фактуру непроявленной пленки:

— Я думала, ты боишься меня, боишься тех недомолвок. Но я не ожидала...

Сердце Сяоминь заколотилось, как непрерывно срабатывающий затвор, щелкая без перерыва.

Она смотрела на профиль Лунь, и в привычных чертах проступил новый слой мягкости, а свет в глубине глаз больше не казался далеким — теперь он был так близко, что можно было разглядеть подрагивающие ресницы.

— Поначалу я и правда боялась, — призналась она, обретая уверенность, пока теплые лучи разливались по ее лицу. — Боялась твоих странных выходов — в женском туалете, с прокладкой; боялась твоих небрежных прикосновений и нежного взгляда. Но когда открылась правда, я наконец прозрела. Я боялась не тебя, я боялась себя. Боялась того, во что может превратиться такое чувство... к другой девушке.

Лунь повернула голову обратно, и их глаза встретились. Взгляд, прежде внушавший Сяоминь такой страх, сейчас казался мягким, словно рождение света.

Лунь тихо произнесла:

— Я всегда была такой, и все принимали это как должное. Я даже не думала, что ты будешь так долго мучиться.

Она слегка улыбнулась — коротко и искренне, и в ее глазах заискрились искорки света:

— Но твои свет и тени мне всегда нравилось снимать. С самого первого дня, когда я увидела тебя на солнце, мне хотелось ловить этот момент снова и снова.

Любит. Лунь сказала, что любит.

Грудь Сяоминь залила теплая волна, а неловкость и страх стали растворяться, подобно кадру на грани переэкспозиции.

Солнечный свет струился сквозь оконный переплет, сплетая между ними тонкую сеть световых лучей, словно специально настроенную экспозицию для этого мгновения.

— Так... а что же мы? — тихо спросила Сяоминь, и ее голос прозвучал легко, как падающий лист, но в нем крылись все надежды.

Лунь помолчала мгновение, затем медленно поднялась и подошла ближе.

Полуденный свет обрамил ее фигуру золотистым сиянием. Она наклонилась и нежно коснулась губами лба Сяоминь. Это прикосновение оказалось теплым и мимолетным, как самый первый луч света, коснувшийся пленки, но от него Сяоминь замерла, а дыхание перехватило.

Лунь выпрямилась, и ее взгляд излучал такую нежность, что Сяоминь была готова растаять:

— Продолжай снимать. Я тоже... согласна.

Чтобы признаться в любви, нужна лишь одна смелая выдержка.

Они переглянулись и улыбнулись, и свет с тенью в классе достигли в этот миг идеального баланса.

Не успев прийти в себя от остаточного тепла поцелуя, Сяоминь протянула руку и легонько коснулась лба — там, казалось, все еще жило тепло губ Лунь.

Она тихо спросила:

— И... как мне называть тебя теперь?

Лунь улыбнулась, и огоньки в ее глазах вспыхнули ярче звезд:

— Можно Сяо-Лунь. Или как тебе больше нравится.

Сяоминь кивнула, и спутанный узел в ее груди окончательно распустился, превращаясь в мягкое тепло.

Закончив складывать вещи, Лунь первой протянула руку ладонью вверх, ожидая ответа.

Сяоминь сначала едва заметно вздрогнула, а затем крепко сжала ее ладонь в ответ. Рука Лунь была горячее, и их пальцы медленно сплелись, словно две катушки пленки, наконец нашедшие фокус.

Когда они выходили из класса, закатное солнце вытянуло их тени в длинные силуэты, крепко прижатые друг к другу и больше никогда не разлучающиеся.

На школьной дорожке прохожих почти не было, с деревьев падали листья платана.

Сяоминь украдкой бросала взгляды на профиль Лунь, чьи короткие волосы колыхал ветер. Этот образ больше не казался чужим — он принадлежал ее собственному творцу света и тени.

Любить девушку — это было сложно, это пугало, но оказалось реальностью, такой же зримой, как свет перед объективом. Общественное мнение, вопросы семьи, школьные шушуканья — со всем этим можно будет справиться позже.

А сейчас нужен был лишь этот смелый миг, чтобы запечатлеть любовь навсегда.

Когда они вернулись в общежитие, уже совсем стемнело.

Сяоминь заперла дверь и разложила на столе последнюю фотографию с той выездной съемки, которую проявила Лунь: она сама, стоящая под платаном, с пятнистыми солнечными лучами на лице, с тихим, но решительным выражением и едва заметной улыбкой в уголках губ.

Внизу снимка Лунь сделала тонкую карандашную пометку: Полдень, наведение резкости. Впервые.

Сяоминь кончиком пальца коснулась края фотобумаги, мысленно прокручивая моменты признания: потрясенный и сменившийся нежностью взгляд Лунь, тепло поцелуя в лоб, шепот, а тоже согласна и твердость переплетенных пальцев по дороге из класса.

Правда проявилась полностью, и любовь наконец обрела видимость.

Расстояние по обе стороны объектива впервые по-настоящему сократилось до нуля.

Она раскрыла дневник. За окном густела ночная темнота, настольная лампа отбрасывала круг теплого желтого света. Кончик ручки коснулся бумаги, чернила медленно расплылись, оставляя строчку: Чтобы признаться в любви, нужна всего одна смелая выдержка.

<http://bllate.org/book/21310/2162734>